

128 MAR 1957

Литературная газета
г. Москва

А. КУДРЯШОВА

На Первом съезде советских писателей М. Горький обратился к делегатам с речью: «Уважаемые товарищи, мне кажется, что здесь чрезмерно часто произносятся имя Горького, с добавлением измерительных эпитетов: великий, высокий, длинный и т. д. (С м е х). Не думаете ли вы, что, слишком подчеркивая и возвышая одну и ту же фигуру, мы тем самым затемняем рост и значение других? Поверьте мне: я не кокетничаю, не рисуюсь. Меня заставляют говорить на эту тему причины серьезные. Говоря фигурально, все мы здесь, невзирая на резкие различия возрастов, — дети одной и той же очень молодой матери — всесоюзной советской литературы».

Выяснить подлинное значение М. Горького в связи с историей «всесоюзной советской литературы», показать действительно величие писателя без крикливого «величания» — задача столь же трудная, сколь и необходимая.

Новый сборник статей «Горький и вопросы советской литературы» с первых страниц привлекает внимание той «рабочей атмосферой», тем деловым тоном повествования, которые всегда отличают серьезные исследования от юбилейного «монпансье». Авторы книги широко понимают проблему, выдвинутую ими в названии сборника. «Горький и вопросы советской литературы» — это не только горьковские традиции в литературе социалистического реализма; это и непосредственное участие писателя в советском историко-литературном процессе; это и его художественные творения как образец нового искусства.

Наиболее привлекательная сторона сборника — пылкий интерес участвующих в нем авторов к традициям Горького-художника, владевшего оружием многих жанров — от очерка до монументальной эпопеи. Статья Л. Плоткина «Горький и проблема романа-эпопеи» лишь на первый взгляд может показаться узкопрофессиональной. В действительности в ней идет речь о самом главном — о жизненной силе социалистического искусства, рождающего все новые и новые формы художественного освоения мира. «Уже давно было отмечено, — пишет автор, — что в советской литературе возникла и развилась своеобразная разновидность романа. Своеобразие этой разновидности состоит в том, что современность и история сливаются в произведении воедино». Автору статьи удается показать оригинальную особенность этого слияния в произведениях различных авторов, раскрыть реальное эстетическое богатство социалистического искусства, многообразие творческих дарований.

В чем же состоит подлинная оригинальность художника слова? Статья Б. Костелянца как бы переводит проблему, рассмотренную в статье Л. Плоткина предметно и исторически, в теоретический план. Автор заставляет нас вновь обратиться к горьковскому противопоставлению двух форм индивидуального своеобразия писателя — «широкой концепции» и «манеры писать». Подлинная самобытность писателя — не в особенностях так называемой «манеры письма», которая проявляется лишь во внешних сторонах формы, в пристрастии к определенным приемам мастерства. Ее должно искать в своеобразии авторской концепции, в умении открыть новые жизненные связи и отношения среди бесконечного разнообразия фактов. Б. Костелянец уделит много внимания полемике с вульгаризаторскими представлениями о социалистическом реализме. Жаль только, что этот полемический пыл не всегда расходуется по назначению. По воле автора некоторые его противники оказываются столь наивными в вопросах эстетики, в вопросе о стиле, например, что с ними и «воевать» как-то неудобно. Можно лишь одобрить попытку Б. Костелянца популярно разъяснить некоторые положения гегелевской эстетики, в частности проблему оригинальности и индивидуальной манеры писателя, которые, по Гегелю, резко противостоят друг другу. Но вряд ли можно считать плодотворным стремление автора превратить Гегеля в определенного рода критическое оружие, с помощью которого ничего не стоит сразить некоторых «наивных» критиков.

Имя М. Горького, быть может, как ничье другое, дает возможность почувствовать органическую связь русской советской литературы с общерусским национальным историко-литературным процессом. Перефразируя известные слова Белинского о Пушкине, можно сказать: М. Горький в такой же мере «объясняет» литературу социалистического реализма, в какой русская классическая литература «объясняет» М. Горького. Нельзя поэтому не одобрить то направление поэтического анализа, которое намечилось в ряде статей сборника, — творчество М. Горького берется в живых и непосредственных связях и сплетениях с историей русской литературы, оно рассматривается как своеобразный аккумулятор эстетических ценностей русской классики, переданных Горьким в обо-

гащенном виде советской литературе. Мысль эта, верная и плодотворная, раскрывается в статьях А. Нинова («Мастер рассказа») и Д. Золотницкого («Сатирические мотивы горьковской драмы»).

Да, настаивает Д. Золотницкий в своей статье, советские писатели, борясь с отрицательными явлениями в нашей жизни, должны учиться у Щедрина и Гоголя, но не следует при этом забывать, что у этих сатириков уже учились и кое-чему научились М. Горький, Маяковский, и не худо было бы познакомиться с плодами этой учебы, чтобы не открывать Америку вто-

К 89-летию со дня рождения А. М. Горького

89-я годовщина со дня рождения Алексея Максимовича Горького отмечается в Москве научным заседанием, созываемым в Институте мировой литературы. На заседании, которое состоится 28 марта, будут заслушаны доклады М. Ботуры «Драматургия М. Горького в чешской критике (1902 — 1914)» и Г. Шаткова «М. Горький и скандинавские писатели».

Одновременно институт готовит научную сессию с участием зарубежных ученых, главное внимание которой будет уделено проблемам: «Горький и социалистический реализм» и «Горький и мировая литература». Сессию намечено созвать в сентябре.

рично. Важно знать, справедливо утверждает автор, не только истоки традиции, но и пути ее развития.

А. Нинов, исследуя стиль рассказов раннего Горького, показывает, как художественные поиски и устремления писателя прошлого, в частности Короленко, подводят вплотную к литературному новаторству Горького. Обоих писателей роднит умение показать человека «...в переломный, критический момент его душевной жизни, когда в одном эмоциональном движении личность вдруг выливается вся без остатка». Однако, утверждает А. Нинов, близость социальных перемен, предчувствие революционной эпохи М. Горький, в отличие от Короленко, воплощает не в обобщенно-психологическом и символическом планах, а как историческую реальность сегодняшнего дня.

После велеречивой помпезности, в недавнем прошлом нередко переполнявшей литературоведческие труды, как-то особенно приятно получить книгу, в которой на первом плане — конкретно-историческое изучение сюжетных, композиционных, жанровых особенностей произведений Горького. Однако, читая книгу, ждешь: ну, а когда же за кропотливым конкретным анализом отдельных компонентов произведений последуют теоретические обобщения, имеющие принципиальное значение для понимания сущности, природы социалистического реализма? И надо сказать, не всегда эти ожидания оправдываются.

Некоторые авторы сборника оказались счастливей в конкретном исследовании художественного произведения, чем в постановке общих, более широких проблем. Читатель, к примеру, закроет книгу, так и не выяснив для себя, что же следует понимать под традициями М. Горького в советской литературе. Традиции подчас определяются столь широко, что границы их теряются где-то в тумане литературоведческих изысканий. «Если художник, — пишет П. Громов в статье «Горький и советская проза тридцатых годов о людях социалистического труда», — в своем творчестве поднял жизненно важные вопросы, нашел соответствующее требованиям эпохи идейно-художественное решение этих вопросов, — он оказывается реально в русле горьковских традиций...» Но почему это традиции именно горьковские, а не традиции всей передовой русской классики? Еще менее приемлем крайний субъективизм в понимании традиции, когда автор выдает свои, сугубо личные ассоциации за объективную реальность историко-литературного процесса. «...Образ царя Ивана, — пишет И. Березарк (речь идет о драматической дилогии), — создан Толстым в согласии с горьковскими требованиями историзма». Царь Иван оказывается в ближайшем духовном родстве с горьковскими «белыми воронами» буржуазии — Фомой Гордеевым, Антипой Зыковым, Егором Булычевым. Эти крайне спорные ассоциации имеют весьма шаткое обоснование. «Все это хорошие русские люди, но изломанные, исковерканные жизнью», всех их ожесточила жизнь. Вряд ли могут убедить читателя подобные сопоставления.

В той же статье И. Березарка предпринята попытка проследить творческую взаимосвязь драматургии М. Горького и Вс. Иванова. Но аргументация автора так удручающе однообразна, сопоставления строятся на столь расплывчато-широкой основе, что у читателя может лишь воз-

никнуть сомнение, а есть ли здесь вообще что-нибудь от традиции Горького. «Пьеса Иванова по-горьковски монументальна и вместе с тем проста и правдива... Ущербная психология капитана Незеласова раскрыта по-горьковски выразительно, просто и социально глубоко... Пеклеванов — первый образ большевика на сцене, показанный не в романтически приподнятом плане, а просто, человечно и сильно». Этот образ, оказывается, «...в основе своей... продолжал горьковские традиции. Вспомним, какими простыми, привлекательными и в то же время глубоко идейными людьми показывал Горький пролетарских революционеров в «Матери», «Врагах», «Мещанах» (подчеркнуто мною. — А. Н.). И все это — буквально на протяжении одной страницы. Точно заклинание, повторяет автор полюбившееся ему словечко «просто»; однако волшебство не состоялось, общие фразы так и остались общими фразами, не убедив читателя в достоверности сопоставлений.

«...Мы живем в эпоху, глубоко, небывало, всесторонне драматическую, в эпоху напряженного драматизма процессов разрушения и созидания», — писал Горький. Так же небывало драматична и история советской литературы, становление которой проходило в нелегкой борьбе. Эта печать необычайно сложной и трудной судьбы легла и на творчество крупнейших художников слова. Уже сейчас в работах о Горьком режет глаз столкновение с обидно-бодряческим тоном, особенно неприемлемым, когда речь заходит о трудных и сложных страницах жизни писателя. Не составляет исключения в этом отношении и сборник «Горький и вопросы советской литературы». И можно лишь поддержать содержащийся в статье Б. Костелянца призыв не проходить мимо тех высказываний, мыслей, эстетических суждений Горького, перед которыми иной читатель может остановиться озадаченный, объяснять, как бы это ни было трудно порой, спорные утверждения писателя. И весьма огорчительно, что по прочтении некоторых статей сомнения читателя не только не рассеются, но, может быть, еще более возрастут.

И. Березарк назвал свою статью «В борьбе за правду драматургического образа». Рассматривая деятельность Горького в первые послереволюционные годы, автор пишет о конкурсе мелодрам, о планах создания театрализованной истории культуры. Об этом И. Березарк говорит подробно, со знанием дела. Но почему же он обходит «столбовую дорогу», на которой развевалась борьба писателя за новый, революционный театр и новый советский репертуар? Не потому ли, что, борясь за создание Большого драматического театра, театра «трагедии, романтической драмы и высокой комедии», Горький не раз высказывал мысли, перед которыми современный читатель «может остановиться озадаченный»? Не потому ли, что, борясь за нового драматургического героя, Горький выдвигал требование «идеального героя», на которого равнялась бы масса, в то время как эта самая масса давно уже выдвигала из своей среды подлинных героев? Не потому ли, что требование Горького «поэтически раскрашивать человека» куда труднее объяснить, чем доброжелательное отношение к мелодраме? Но не будем гадать, почему это произошло, скажем лишь в заключение, что борьба Горького за правду драматургического образа была куда более драматичной, чем это выглядит в изложении И. Березарка.

Известная облегченность в решении некоторых сложных проблем чувствуется и в других статьях. Так, авторы сборника, говоря о традициях М. Горького в советской литературе, имеют в виду лишь традиции Горького-реалиста. Ну, а как же быть с Горьким-романтиком? Как отнестись, скажем, к «Песне о Соколе» или «Песне о Буревестнике»? Искьяла ли эта струя горьковского творчества в советской литературе или она жила, наперекор литературоведам и критикам, желающим свести все многообразие советской литературы к одному стилю? Статья И. Эвентовая, освещающая роль М. Горького в развитии советской поэзии, могла бы многое прояснить в этом вопросе. Однако автор пошел по другому пути: добрая половина статьи представляет собою комментированные оценки М. Горького отдельных поэтов (Есенина, Брюсова, Блока, Исаковского, Тихонова и других). Эти комментарии подчас весьма лаконичны: «Алексей Максимович зорко присматривался к поэзии Тихонова», «Горький ценил произведения Э. Багрицкого, Н. Асеева, И. Сельвинского, М. Светлова», «Особенно высоко ставил... «Гренида» Светлова...», «...выделял В. Инбер и С. Маршак» и т. д.

Можно было бы поспорить с авторами сборника еще по ряду вопросов, ибо не все приемлемо и в оценке отдельных горьковских образов, и в теоретических выводах. Одно в сборнике бесспорно: большинство помещенных в нем статей отличают та содержательность анализа, тот исследовательский пафос и одновременно деловая строгость стиля, без которых трудно представить серьезный научный труд.